

Белик Анна

Отголоски прошлого

Рассказ

2014 год
Донецк

Оглавление

ГЛАВА I	2
ГЛАВА II	3
ГЛАВА III	5
ГЛАВА IV	6
ГЛАВА V	9
ГЛАВА VI	12
ГЛАВА VII	14
ГЛАВА VIII	17
ГЛАВА IX	19
ГЛАВА X	21
ГЛАВА XI	23
ГЛАВА XII	26

Глава I

Первым, что почувствовал 78-летний Симон Зельтен, придя в себя, было сильнейшее чувство жжения в груди. Боль была настолько сильной, что ему захотелось застонать, но на это не было сил. Старик подумал, что вот он и попал в ад. Но пролежав так несколько секунд, он начал различать свет сквозь закрытые веки, и услышал какой-то шум. Зельтен невольно напряг слух, и шум стал постепенно превращаться в членораздельные звуки. Сначала он распознал монотонные сигналы аппаратуры, а потом и голоса медсестер, обсуждавших его сердцебиение.

Симон Зельтен с трудом открыл глаза и увидел лицо медсестры. Она улыбнулась и спросила:

- Как Вы себя чувствуете?

- Болит в груди, - с трудом сказал он и попытался откашляться, но боль заставила его прекратить эти попытки.

- Сейчас я увеличу дозу морфина, и Вам полегчает, - ответила медсестра, и добавила: Главное, что Вы живы.

- Я уже думал, что это конец, - с трудом сказал старик и попытался изобразить что-то похожее на улыбку.

- Все так думали, - ответила медсестра, - но доктор Миндельхайм вытащил Вас с того света.

Она улыбнулась и добавила:

- У него золотые руки, четыре часа над Вами колдовал. Благодаря ему Ваш третий инфаркт не стал последним.

У Зельтена на несколько секунд все поплыло перед глазами, а потом он услышал, как в бешеном темпе запищали датчики сердечного ритма.

- Что с Вами?! – испуганно воскликнула медсестра, - я сейчас позову доктора!

- Не надо, - ответил Зельтен, пытаясь совладать с собой, - все в порядке.

Он посмотрел на медсестру и твердостью взгляда попытался ее заверить, что с ним действительно все нормально.

- Ну, хорошо, ответила она, - Вам надо отдыхать. Если я Вам понадоблюсь, жмите на кнопку, - она показала на небольшую красную кнопку на аппаратуре рядом с койкой, - Немного позже Вас осмотрит врач.

- Мистер... Миндельхайм? – спросил Зельтен.

- Возможно, - ответила медсестра, - Если будет свободен.

Медсестра вышла, а Симон Зельтен проводил ее взглядом, пытаясь понять, действительно ли он услышал то, что услышал, или это какой-то сюрреалистический сон. Перед его внутренним взором возникла картина, которую он много десятилетий пытался забыть: безжалостное лицо штандартенфюрера Герберта Миндельхайма, отдающего приказ о массовом «переселении» жителей их еврейского квартала на окраине Берлина в 1940-м.

«Нет, нет, это распространенная фамилия», - попытался успокоить себя Зельтен, но и сам не особо поверил своим мыслям.

Глава II

Выходя, медсестра выключила свет в палате, и комната погрузилась в легкий полумрак. Полной темноты быть не могло из-за того, что комнату от хорошо освещенного коридора отделяла прозрачная стеклянная стена, и Зельтен мог наблюдать за снующими туда-сюда медработниками. Но ему было не до них.

Воздух стал пахнуть по-другому. Стерильно-медикаментозный запах нью-йоркской больницы сменился своеобразной смесью запахов дождя, пороха и не очень чистых человеческих тел. Этот запах стал постоянным спутником жителей Берлина с 1939 года. В нем стояла смерть. Маленький Симон из еврейского гетто это хорошо чувствовал. Чувствовали и его родители, и старшие сестры, и брат.

Обитатели их квартала продолжали жить привычной жизнью, пытаясь внушить себе, что ничего не изменилось, жизнь такая же, как и раньше. Но подавленность и страх стали их постоянными спутниками. Сначала местных евреев обязали носить на груди шестиконечные звезды, а потом запретили покидать резервацию... Все чувствовали, что кольцо сжимается, но боялись об этом говорить вслух, не желая смотреть в глаза ужасной правде.

Одним серым утром по приказу штандартенфюрера Миндельхайма все жители гетто начали выходить на улицу. Они взяли с собой только необходимое. Люди чувствовали, что происходит что-то страшное, но не хотели верить в это. «Нет, это просто собрание. Нас собираются переселить, но это не страшно, все хорошо» - повторяли они друг другу и сами себе.

Несколько сотен человек собрались на площади. В воздухе пахло дождем, а булыжник, которым выложена улица, был еще мокрым после недавнего ливня. Небо затянуло серыми дождевыми тучами, что еще больше усиливало чувство напряжения и добавляло к нему ноту обреченности.

Посреди площади стоял штандартенфюрер Герберт Миндельхайм в своем безупречно наглаженном мундире и со сверкающим крестом в петлице. И для своего начальства, и для подчиненных он был воплощением настоящего арийца: высокий, крепко сложенный, но

стройный, с безупречной осанкой, молочно-белой кожей и светло-золотистыми волосами, аккуратно уложенными и разделенными косым пробором. Идеальный образ чистокровного немца нарушали только выразительные темно-карие глаза. Пятилетний Симон знал, что штандартенфюреру порядка сорока лет, но выглядел он двадцатипятилетним молодым человеком с абсолютно чистым лицом и гладкой кожей.

Сзади офицера СС стояло несколько рядовых солдат, а замыкал их шеренгу 16-летний Берхард Миндельхайм – младший брат штандартенфюрера. Как-то их соседка в шутку сказала, что у родителей Миндельхаймов не хватило «материала» на младшего сына, поэтому он родился таким бесцветным и бестелесным. Действительно, Берхард Миндельхайм был полностью лишен красок: его кожа и волосы были совершенно белыми, а в глазах читалась какая-то беспричинная грусть. На фоне брата он казался хрупким и как будто лишенным жизни.

Но сейчас Симон видел у этого юноши, гордо стоявшего в конце шеренги в своем скромном мундире роттенфюрера, готовность сделать все, что угодно, чтобы показать старшему брату свою готовность быть доблестным воином СС.

Пока все собирались, Герберт Миндельхайм расхаживал по площади строевым шагом. Затем он окинул взглядом толпу и своим звучным баритоном сообщил, что сейчас они все будут перевезены в пригород Берлина, в специализированный лагерь. Рядом с лагерем расположен военный завод, на котором им предстоит работать.

Голос Миндельхайма отражался от стен соседних зданий, создавая эхо. Услышав о предстоящих переменах, толпа беззвучно вздохнула с облегчением. Никто не решался сказать это вслух, но практически в каждой голове крутилась мысль: «Слава Богу, нас не убьют, нас просто переселят, и мы будем работать».

У маленького Симона пошли мурашки по коже. Он смотрел на суровое лицо штандартенфюрера, и чувствовал что-то нехорошее. Его буквально сковал страх, и он крепко прижался к своей старшей сестре Саре, до боли сжав ее руку. Он не мог оторвать глаз от Герберта Миндельхайма, и чувствовал, как от этого немца веет смертью.

Затем всех усаживали в повозки. Командовал посадкой Берхард Миндельхайм, указывая своим тоненьким голоском, кому куда следует садиться и ставить вещи. Периодически он поглядывал на старшего брата, ожидая увидеть одобрение и похвалу в его глазах.

Семья Зельтенов села в полагавшуюся им повозку, и через несколько минут караван медленно тронулся. Они проехали по их родному району, затем по нескольким небольшим кварталам, и, наконец, выехали за город. Симон сидел, прижавшись к матери, и поглядывал на

испуганных сестер и брата. Мама практически перестала двигаться и напряглась. Симон посмотрел на нее и увидел в ее глазах сосредоточенность.

Он слегка приподнялся, приблизив голову к лицу матери. Она рукой приподняла его еще выше, и его ухо оказалось практически возле ее губ.

- Помнишь овраг за теми деревьями? – спросила она очень тихо.

Симон посмотрел на нее и утвердительно кивнул.

- Когда мы будем проезжать мимо оврага, быстро прыгай с повозки и прячься в овраг. Только очень быстро, чтобы немцы не увидели.

Симон снова утвердительно кивнул, хотя в его глазах промелькнул испуг.

- Не бойся, - сказала мать тихо, но твердо, - сделай это.

Когда повозка поравнялась с оврагом, Симон подвинулся ближе к борту, а потом аккуратно соскользнул вниз, тут же растворившись в высокой траве, которая прикрывала овраг. Несколько немцев, сопровождавших караван, посмотрели в сторону оврага, услышав странный звук, но, не заметив ничего подозрительного, решили, что мимо пробежало какое-то животное.

Подождав, пока караван скрылся из виду, Симон выбрался из оврага и пошел обратно в город. Незаметно пробравшись в свой дом, он подождал, пока стемнеет, взял самые необходимые вещи, и темными переулками побежал к семье Мельцеров, которая жила в нескольких километрах от их дома. Мельцеры были немцами, но тайно помогали евреям, оказавшимся в беде. Родители многократно говорили маленькому Симону, его сестрам и брату, чтобы они обращались к Мельцерам в случае крайней необходимости.

Мельцеры, до которых Симон добрался уже под утро, спрятали малыша у себя в бомбоубежище, а через несколько дней тайно вывезли из города в один из небольших поселков, где было относительно безопасно. За это время они узнали, что караван с семьей Зельтенов был отправлен не в рабочий лагерь, а в загородные газовые камеры. Живым остался только Симон.

Глава III

Из тягостных воспоминаний Симона Зельтена вывел яркий свет. Подняв глаза, он увидел возле выключателя крупного и достаточно грузного черноволосого мужчину с папкой в руках. Халат с трудом сходился на его мясистом животе, и казалось, что этот врач с трудом двигается. «Если это и есть доктор Миндельхайм, то он, определенно, не родственник офицера СС» - подумал старик.

- Здравствуйте, мистер Зельтен, - сказал он тяжелым басом, - как Вы себя чувствуете?

- Слава Богу, получше, после морфина боль заметно уменьшилась, - ответил Зельтен, а в голове крутился только один вопрос: «Вы и есть доктор Миндельхайм?»

Как будто прочитав мысли старика, мужчина сказал:

- Меня зовут доктор Смит. Ваш лечащий врач, доктор Миндельхайм, сейчас на операции, поэтому я пришел проверить Ваше состояние.

- Спасибо, доктор, - ответил Зельтен, а в душе боролись два противоречивых чувства: с одной стороны, он испытал облечение от того, что это не Миндельхайм, а, с другой стороны, страх перед встречей с врачом стал еще более сильным.

Когда доктор Смит ушел и выключил свет, палата снова погрузилась в полумрак. Симон Зельтен попытался уснуть, но переполнявшие его эмоции не позволили сделать это. Поэтому он просто лежал и наблюдал за вялым ночным движением в коридоре.

На какое-то мгновение коридор опустел, и стало тихо. Зельтен подумал, что это из-за позднего времени суток, и, возможно, в полной тишине он наконец-то сможет заснуть. Но его мысли нарушил мягкий звук шагов. Он посмотрел в коридор и его сердце тревожно забилося. По коридору шла девушка, поразительно похожая на Берхарда Миндельхайма, - такая же бесцветная и воздушная. Зельтен обвел взглядом ее лицо, ее пепельно-белые волосы со стрижкой «удлиненный боб», и ее серую униформу.

Девушка прошла по коридору и скрылась, а Симон Зельтен лихорадочно пытался вспомнить, где он видел такую форму. Она казалась очень знакомой, но вот кто именно ее носит – вспомнить не удавалось. Это точно не военная форма. Ну и, конечно же, не милицейская. Это не форма работников коммунальных служб... Что же это?

«А может мне показалось?» - неожиданно сказал себе Зельтен внутренним голосом. «Может не было никакой девушки? Может это мое больное воображение, затуманенное морфином?» - попытался он успокоить себя. Мысли постепенно начали путаться и отдаляться, и Зельтен погрузился в сон.

Глава IV

Старика разбудил звук открывающейся двери. Зельтен открыл глаза и на фоне освещенного коридора увидел странный силуэт, стоящий в дверном проеме. Это был высокий, крепко сложенный, но достаточно стройный мужчина в медицинском халате и с какой-то совершенно невероятной прической. Силуэт головы говорил о том, что пряди волос странными остроконечными конусами торчат в разные стороны, создавая своеобразный контраст строгому медицинскому халату.

Зельтен вспомнил, как в их районе давала концерт какая-то молодежная группа. Ее участники исполняли ужасную музыку и называли себя панк-рокерами, вызывая настоящую

бурю восторга у старшеклассников из близлежащей школы. Эпатирующие прически этих музыкантов были очень похожи на то, что старик сейчас видел на голове у загадочного молодого человека.

Зельтен в первый момент подумал, что это, видимо, какой-то санитар или медбрат, но когда силуэт приблизился к аппаратуре и начал внимательно изучать показатели, Зельтен понял, что панк-рокер вполне может быть врачом. Мужчина поднес планшет с документами ближе к мониторам, чтобы на бумагу попадал свет, и начал записывать показатели.

«А вдруг это и есть Миндельхайм?» - подумал старик, хотя столь неформальный имидж никак не вязался с образом строгого офицера СС. Тем не менее, эта мысль заставила сердце Зельтена биться быстрее, о чем странному молодому человеку тут же сообщили датчики. Он обернулся и посмотрел на Зельтена. Старик пытался рассмотреть лицо мужчины, но не мог, оно по-прежнему находилось в темноте.

Поняв, что старик не спит, мужчина спросил мягким юношеским баритоном с легким акцентом:

- Как Вы себя чувствуете, мистер Зельтен?

- Лучше уже, - сказал Зельтен, пытаясь понять, похож ли голос неформала на голос Герберта Миндельхайма, и похож ли этот едва заметный акцент на немецкий.

- Вы не знаете, когда ко мне зайдет доктор Миндельхайм? – осторожно продолжил старик, - он должен был проверить мое самочувствие.

- Я и есть доктор Миндельхайм, - ответил мужчина шепотом, и его голос показался еще более молодым, чем сначала, - Я не хотел Вас будить. Судя по показаниям аппаратуры, Ваше состояние стабильное. Вам нужно отдыхать.

Зельтен понял, что врач сейчас уйдет, а он и дальше будет мучиться неизвестностью.

- Вы не могли бы включить свет? – спросил он, желая развеять свои сомнения и страхи прямо сейчас.

- Зачем Вам свет? – ответил Миндельхайм, - Вам нужно отдыхать.

- Пожалуйста... - попросил Зельтен, - мне удобнее со светом.

- Ну, хорошо... - сказал доктор с некоторым сомнением в голосе.

Он мягко подошел к выключателю, включил свет и повернулся к старику лицом.

Сердце Зельтена болезненно заколотилось, что заставило датчики пронзительно завизжать. Перед стариком стояла точная копия Герберта Миндельхайма. Зельтен был готов увидеть человека, похожего на убийцу своей семьи, но не думал, что сходство будет таким поразительным.

Миндельхайм испуганно посмотрел на Зельтена, а потом на приборы, и быстрым шагом двинулся в сторону старика. Зельтен понимал, что выдает свое волнение и постарался совладать с собой.

- Простите, со мной все хорошо, - сказал он немного хриплым голосом, - просто лампы в первый момент меня ослепили.

Врач недоверчиво посмотрел на Зельтена, а последний, желая развеять сомнения доктора относительно своего самочувствия и замаять тему, сказал:

- Спасибо, что вытащили меня с того света.

- Да не за что, - ответил Миндельхайм, - и мягко улыбнулся, - Это моя работа.

Зельтен внимательно посмотрел в лицо врача и отметил, что сходство с немецким офицером только анатомическое. Он никогда не видел у Герберта Миндельхайма даже намек на тепло. От офицера всегда веяло холодной твердостью и непоколебимой уверенностью в своей правоте. В лице же молодого доктора старик заметил некоторые смущение. Взгляд его был не твердым, а скорее смущенно-вопросительным.

Его образ также разительно отличался от образа нацистского офицера. Зельтен видел в молодом человеке странное сочетание Герберта Миндельхайма, панк-рокера и метросексуала. Старик никогда не думал, что может встретить нечто подобное. Увиденный в темноте силуэт прически полностью соответствовал тому, что Зельтен обнаружил при свете ламп. Светло-золотистые, как и у немецкого офицера, волосы были асимметрично подстрижены и уложены сзади и по бокам практически перпендикулярно голове, образуя своеобразные конусы разных размеров. Челка была также подстрижена асимметрично и уложена набок торчащими в разные стороны прядями.

Под расстегнутым халатом молодого Миндельхайма Зельтен увидел обтягивающую футболку с ярким черно-серебристым принтом и обтягивающие рваные джинсы. Этот кричащий молодежный образ, как показалось старику, противоречил не только имиджу Герберта Миндельхайма, но и личности самого доктора. Казалось, что подчеркнутая эпатажность должна была каким-то образом компенсировать мягкость и неуверенность, сквозившие в его движениях и взгляде.

Врач подошел к капельнице Зельтена, внимательно посмотрел лист назначения, достал из ящика тумбочки два шприца с лекарствами и вколол их во флакон с физраствором. Зельтен внимательно наблюдал за Миндельхаймом. «Женат» - подумал старик, увидев тонкое золотое кольцо на безымянном пальце правой руки врача. Когда Миндельхайм стал боком к своему пациенту, тот внимательно посмотрел на его прическу. Каждая прядь была аккуратно уложена и отделена от соседних прядей ровным пробором. «Сколько же времени он тратит на укладку волос? – подумал Зельтен, - Вот он, немецкий педантизм...».

Окинув взглядом врача от прически до ботинок с шипами, в которых явно угадывался стиль Christian Louboutin, Зельтен отметил, что подчеркнутая небрежность и неформальность Миндельхайма – это не более чем иллюзия. В каждой детали чувствовались выверенность и продуманность. Старику вспомнилась фраза: «Самая лучшая импровизация – это заранее подготовленная импровизация». Ему показалось, что это высказывание очень точно характеризует внешний вид доктора. «Немец до мозга костей, - подумал Зельтен с некоторой иронией, - хотя хочет выглядеть свободолюбивым американцем». Напрягая зрение, он попытался рассмотреть ткань джинсов Миндельхайма. «Дорогая дизайнерская вещь» - подумал Зельтен.

Когда Миндельхайм ушел, старик подумал: «Интересно, сколько же ему лет?... На вид – не больше двадцати, но он – опытный врач, значит, ему не может быть двадцать». Зельтен вспомнил, насколько моложе своих лет выглядел Герберт Миндельхайм, и предположил, что молодой доктор может быть значительно старше, чем кажется.

«Интересно, кем он приходится Герберту Миндельхайму? Внуком? Хотя нет, наверное, правнуком?...» Старик поставил себе цель узнать это.

Глава V

После ухода врача Симон Зельтен лежал в постели и вспоминал прошлое. Он пять лет укрывался в небольших деревнях, а вернулся в Берлин только в конце зимы 1945 года. Казалось, что изменилась сама атмосфера. Если до середины войны воздух был буквально пропитан ощущением мощи немцев, то в какой-то момент в этой атмосфере, похожей на плотное полотно, появилась брешь. А потом еще одна. И еще. И воздух как будто наполнился другими запахами. Через эти бреши начал прорываться свежий ветер, несущий что-то новое и, определенно, хорошее.

10-летний Симон не хотел возвращаться в Берлин, но вынужден был это сделать по делу. Раньше, в 1943-ом и даже в 1944-ом он бы туда не вернулся даже под страхом смертной казни. Но в 1945-ом из воздуха начал исчезать спертый запах ненависти ко всему чуждому арийской расе. Некогда прочная броня нацизма трещала по швам.

Симон вернулся в свою старую квартиру. Их район был практически полностью разбомблен, и крыша дома, в которую попал снаряд, превратилась в руины. Но, на удивление, квартира, в которой они жили, практически не пострадала. Симон ежедневно бродил по комнатам, рассматривая старые фотографии. Он гладил руками мамино незаконченное шитье, отцовские рабочие инструменты и платья сестер. Он, как ненормальный, нюхал старые детские игрушки, вещи из сундука, пропахшие нафталином, посуду, и даже прогнившие доски пола под рукомойником. Все это было тем единственным, что осталось у него от прошлого.

Симон не видел Миндельхаймов, и не хотел видеть. Он ненавидел их всеми фибрами души. Он не мог пересчитать, сколько раз в своих мечтах он подвергал их самым жестоким пыткам, сколько раз он их расстреливал и отправлял в газовые камеры. А потом рыдал от бессильной злобы, уткнувшись лицом в подушку. Немного позже Симон узнал, что Герберт Миндельхайм в 1944-м получил звание оберфюрера, а его младший брат успел дослужиться до оберштурмфюрера и стать почтенным отцом семейства. «Головокружительная карьера на крови» - подумал тогда маленький Симон, стиснув зубы в бессильном отчаянии.

Одним мартовским утром Симон проснулся от шума, раздававшегося вдали. Необходимость постоянно прятаться научила его чутко реагировать на каждый звук. Он поднялся, на скорую руку оделся, и тихими подворотнями пошел в сторону звука. Петляя, он добрался до площади. Неприятные воспоминания нахлынули на него и заставили поежиться. На улице снова было пасмурно, дул не сильный, но достаточно неприятный, пронизывающий ветер. Площадь была наполнена военнопленными. По униформам Симон определил, что основную часть пленников составляли британцы.

Поодаль стоял блестящий черный кабриолет, за рулем которого сидел Герберт Миндельхайм. В его позе удивительным образом сочетались строгая военная выправка и ленивая вальяжность вельможи, чувствующего свое превосходство над окружающими.

Балом же правил младший Миндельхайм. За эти пять лет он заметно вырос и возмужал, превратившись в стройного, грациозного, но в то же время крепкого мужчину с аристократичными манерами. Он был в новом, чистом и наглаженном мундире со сверкающим крестом в петлице. Вопреки правилам, он держал на руках девочку лет трех-четырёх. Девочка была рыжеволосой и кудрявой, но в чертах ее лица явственно угадывалась порода Миндельхаймов. На ней был темно-зеленый плащик, а волосы были уложены в форму ракушки и заколоты как у взрослой женщины. «Настоящая немецкая фрау» - со злостью подумал Симон.

Возле Герберта стояла рыжеволосая и курчавая молодая женщина. Рядом с высоким мужчиной она казалась совсем маленькой, даже не смотря на высокие каблуки. Женщина инстинктивно приподнимала голову вверх, пытаясь сделать свою короткую шею более длинной. На фоне блестящих красавцев Миндельхаймов она казалась каким-то недоразумением, но при этом было очевидно, что она – жена младшего Миндельхайма. На женщине был мундир обершарфюрера, и Симон понял, что она входит в число тех женщин, которым некоторое время назад разрешили служить в СС.

Если во время их прошлой встречи Берхард Миндельхайм излучал восхищение и благоговение перед старшим братом, то сейчас он источал гордость собственной семьей. Он

как будто показывал окружающим: «Посмотрите, какая у меня жена! Посмотрите, какая у меня дочь!»

Солдаты выстраивали пленных рядами, а рыжая девочка наблюдала за этим со смесью недоумения и испуга в глазах. Десятки измученных и испуганных лиц смотрели в сторону ее родителей, и малышка инстинктивно прижималась к отцу.

Берхард Мандельхайм внимательно следил за построением, а когда оно было закончено, громким тенором скомандовал: «Старший офицерский состав в штаб на допрос, а остальных – расстрелять!»

По толпе пленных пронесся гул отчаянья.

- Папа, почему расстрелять? За что? – неожиданно спросила девочка, и на фоне гула мужских голосов ее тоненький голосок прозвучал особенно звонко.

На долю секунды воцарилась полная тишина, а на Берхарда Миндельхайма с надеждой уставились десятки пар измученных глаз. Он прервал молчание своим звучным, но мягким тенором.

- Кайза, потому что они – наши враги. Она не хотят, чтобы наша нация была великой. Они убивают тех, кто служит фюреру.

По телу Симона пробежал холодок. Миндельхайм говорил это своей маленькой дочери таким тоном, которым обычно объясняют, почему нужно дружить с соседями или читать Библию. Оправдывать массовое убийство со спокойствием и теплом в голосе казалось Симону верхом кощунства. Позже, уже став взрослым и многократно осмыслив этот момент, он понял, что Берхард Миндельхайм действительно верил в то, что говорил. Он действительно считал, что защищает свою нацию и свое благополучие. Он не был тираном, жаждущим убивать, он просто верил в то, что он делал. И это было страшно.

Видимо, мозг маленькой Кайзы еще не был способен понять необходимость убийства, поэтому она с неподдельным ужасом смотрела на истощенных, оборванных и измученных солдат, которых стройными рядами уводили на расстрел. «Она – единственная в их проклятой семье, у кого осталось хоть что-то человеческое» - подумал тогда Симон.

Через несколько месяцев закончилась эта бесконечно долгая война. Мир превратился в руины, погибшим не было числа, но, тем не менее, радость была по-настоящему огромной. По крайней мере, для десятилетнего еврейского сироты Симона. Окрыленный победой, он целыми днями помогал союзникам, которые освобождали пленных и разбирали документы, уцелевшие в штабах нацистов. Затем началась подготовка к нюрнбергскому процессу. Симон впервые за эти пять лет почувствовал себя действительно счастливым. Он носил еду союзникам, выносил мусор, убирал в комнатах. Он готов был браться за любую работу, лишь

бы только чувствовать себя причастным к тем великим событиям, которые происходили на его глазах.

Изредка ему на глаза попадались пленные нацисты. Симон безуспешно пытался увидеть в их рядах две белокурые головы – с золотистыми и пепельно-белыми волосами. Каждый раз в подобных случаях он ставил себе задачу узнать судьбу Миндельхаймов и сделать все для того, чтобы они попали под трибунал, но захваченный происходящим, неизменно забывал о своем намерении. В конце концов, он обратился с интересовавшим его вопросом к одному из французских офицеров, занимавшихся подготовкой отчетов о деятельности нацистов. Тот обещал навести справки, а через несколько дней рассказал Симону о том, что смог узнать.

Оба брата с семьями были расстреляны союзными войсками в начале мая 1945-го. Из троих детей Герберта Миндельхайма выжил только трехлетний сын, который был с няней на прогулке в то время, когда к ним в дом пришли британские военные. У младшего Миндельхайма и его жены вовремя сработало шестое чувство, и перед самым расстрелом они успели выслать Кайзу из страны. Предположительно, в Финляндию.

Симон, столько раз желавший смерти братьям-нацистам, вопреки своим ожиданиям, не испытал радости. Какое-то тупое и вязкое чувство безысходности и абсурдности накатило на него. Хотя умом он понимал, что Миндельхаймы получили по заслугам. Единственное, что его действительно порадовало, - это то, что рыжая девочка осталась жива.

Глава VI

Когда Симон Зельтен проснулся, солнце стояло уже высоко. Первым, что он услышал, был звучный голос его 42-летней дочери Розы. Она оживленно говорила с медсестрой. Увидев, что отец проснулся, она подошла к нему и начала суетливо спрашивать, как он себя чувствует. Зельтен немного охрипшим после сна голосом ответил, что уже лучше. После ночных событий старик ощущал какую-то странную эмоциональную опустошенность, и все, что сейчас происходило, казалось очень далеким и воспринималось отрешенно.

Роза была высокой, стройной и представительной на вид женщиной. Симон Зельтен всегда гордился нею, и, в особенности, тем, что она окончила Гарвардский университет и работала юристом в крупной компании. Но сейчас ее напористый голос скорее раздражал старика. Роза села рядом с ним на стул и рассказывала о том, как вчера ее не пустили к нему, сказав, что он нуждается в покое после операции.

Дальше Зельтен не слушал, потому что вошел в состояние своеобразной прострации и просто смотрел в окно на слепящее солнце. Когда старик мысленно возвращался к реальности, до него доносился голос Розы, рассказывавшей что-то о диете и холестерине.

Потом дочь встала, подошла к тумбочке и взяла с нее планшет с бумагами. Вернувшись обратно, она сказала, что сегодня утром лично забрала анализы отца из лаборатории, чтобы быстрее узнать его состояние. После этого Роза начала что-то рассказывать о лишней массе тела и повышенном сахаре, но Зельтену было невыносимо скучно это слушать. Он всегда был серьезным и внимательным к таким вещам человеком, но сейчас, видимо, на него негативно действовал морфин.

Старик снова мысленно отключился от происходившего вокруг, а к реальности его вернули слова Розы: «... еврейка... очень красивая девушка... так пострадала... очень жаль ее». Зельтен понял, что дочь рассказывает о чем-то, не связанном с его болезнью, и заинтересовался.

- Подожди... - сказал он и попытался откашляться, но боль в груди, возникшая при движении, помешала, - Я отвлекся... Начни сначала про девушку.

- О, тебе надо отдыхать, а я все болтаю, - спохватилась Роза.

- Нет-нет, расскажи, - ответил Зельтен, - что за девушка?

- Я пошла в лабораторию, чтобы побыстрее забрать твои анализы. Мне их отдавать не хотели, поэтому пришлось говорить с заведующей. Она вышла ко мне в медицинской маске и перчатках, но я восприняла это как должное, это же лаборатория. Я объяснила ситуацию, она отдала мне анализы, и мы разговорились. Я узнала, что ее зовут Клер Визенталь, ей 30 лет. Оказалось, что она, как и ты, немецкая еврейка, приехала в Нью-Йорк тринадцать лет назад вместе с мужем, и поступила здесь на медицинский факультет. Сначала работала лаборантом, а потом стала заведовать лабораторией.

- Три года назад с ней произошло несчастье, - продолжила Роза, - им в лабораторию привезли реактивы, и она проверяла партию. Препараты оказались бракованные, и одна упаковка взорвалась прямо у нее в руках. Химический реактив попал на лицо и руки... Что было с руками от взрыва, сам можешь представить...

Симон Зельтен молча слушал и почувствовал что-то похожее на волнение. Ситуация с врачом-лаборантом наложилась на события вчерашнего вечера и вызвала у него странную смесь эмоций.

- А дальше что было? – спросил он.

- Руки ей по кусочкам собирали. Везти до отделения реплантации и пластической хирургии было не далеко, поэтому смогли восстановить кисти. Но она говорит, что если бы была хирургом, то на этом ее карьера закончилась бы. Пластические хирурги не раз имели дело с химическими ожогами и сказали, что она еще хорошо отделалась, потому что зрение не потеряла. Поставщиков бракованного лекарства обязали полностью оплатить ей лечение и выплатить компенсацию за моральный ущерб. Вот уже несколько лет она борется за полное

восстановление внешности. Она сняла маску потом... Видно, что девушка очень красивая. На лице ест шрамы, конечно, но она говорит, что пластические хирурги обещают полностью восстановить лицо. И руки постепенно приводят в порядок.

- Жаль девочку, конечно... - ответил Симон Зельтен. Хотя он никогда не отличался особой чувствительностью, но в свете событий последних дней его немного взволновала судьба соотечественницы, - но хорошо, что все хорошо закончилось.

- Да... - сказала Роза и вздохнула, - видно, что ей тоскливо из-за этого всего, тяжело переживает ситуацию. Говорит, что если бы не поддержка мужа и детей, то не знает, как справилась бы с этим.

Глава VII

Прошло несколько дней. Симон Зельтен постепенно шел на поправку. Уходом и вниманием он был доволен, злила только ненавистная диета. Хотя врачи постоянно твердили старику, что аппетит загонит его в гроб, он все равно был не в силах противостоять своей страсти к вкусной еде. Когда вес Зельтена перевалил за 120 килограммов, он какое-то время сокрушался, а потом благополучно забыл об этом и продолжил питаться привычным образом.

Теперь же Роза и Миндельхайм организовали «преступный сговор» и посадили его на диету. Зельтен попытался выразить дочери свое недовольство, но она оказалась настойчивой, а у старика не было сил спорить. Маленькая порция овсяной каши с вареной курицей казалась Зельтену издевательством над его аппетитом, поэтому большую часть времени он пытался абстрагироваться от неприятного, жгучего чувства голода.

Этим утром Симон Зельтен ждал визита Миндельхайма с чувством провинившегося школьника. Вечером предыдущего дня он увидел в коридоре мальчишку лет семи. Это был сын пациента из соседней палаты. Зельтен позвал ребенка и попросил купить ему стейк в буфете. И дал малышу в награду пять долларов. За поеданием стейка его застала медсестра и конфисковала «запрещенный продукт».

Зельтен пытался побороть волнение, повторяя себе, что это абсурд какой-то – чувствовать себя виноватым перед фрицем за съеденный стейк. Но при этом голос разума не давал забыть, что этот фриц спас ему, практически безнадежному пациенту, жизнь, и назначил диету для его же блага. Такая мысль была неприятна Зельтену, потому что она разрушала ту устойчивую и ясную картину мира, которая сложилась в его голове много десятилетий назад. Старик старался не думать о событиях последних дней, а доктора Миндельхайма в своем сознании предпочитал навсегда определить в категорию «член Этой семьи».

Спустя какое-то время в палату зашел Миндельхайм. Он показался Зельтену не таким, как всегда, но в чем было различие, старик понять не мог. Когда доктор подошел ближе и

присел на стул, Зельтен увидел, что Миндельхайм в очках и у него воспаленные, красные глаза. «Раздражение от линз» - подумал Зельтен, и его как-то совершенно неожиданно посетила мысль, что Миндельхайм – тоже человек.

Да, он не только «член Этой семьи», но еще и человек из плоти и крови, у которого, как и у всех смертных, может возникнуть аллергия на контактные линзы. И, что самое поразительное, у него может быть плохое зрение. Миндельхаймы всегда были для Зельтена чем-то наподобие терминаторов – бездушные существа, чьи тела сделаны из металла и не могут иметь «дефектов». Доктор Миндельхайм со своей близорукостью рушил все устоявшиеся представления Зельтена, и это вызывало у последнего чувство растерянности и злости.

Миндельхайм приветливо, но немного лукаво улыбнулся, поприветствовал Зельтена и спросил о его самочувствии.

- Боль стала значительно меньше, - ответил Зельтен.

- Это замечательно, - мягко и с улыбкой сказал Миндельхайм, а затем сделал небольшую паузу, и лукаво прищурившись, спросил: А стейк хоть вкусный был?

По телу Зельтена пробежал неприятный холодок, и он рядом с этим мальчишкой почувствовал себя провинившимся школьником. Миндельхайм продолжал на него смотреть с хитрым прищуром, но, в то же время, и с добродушной улыбкой.

- Да... Виноват, не сдержался, - ответил Зельтен.

Миндельхайм дал старику таблицу, в которой было указано содержание холестерина в каждом продукте, и начал объяснять принцип построения его диеты. Первые пару минут Зельтен старался слушать, но потом его мысли полностью переключились на мучившее его чувство противоречия. Ему казался совершенно абсурдным, немыслимым и невозможным сам факт того, что внук или правнук Герберта Миндельхайма рассказывает ему, Симону Зельтену, о вреде холестерина для его здоровья. Все происходящее казалось Зельтену странным сюрреалистическим фильмом.

- Доктор, - неожиданно сказал Зельтен, перебив Миндельхайма в тот момент, когда он начал объяснять, насколько сильно увеличивается содержание холестерина в блюдах, приготовленных во фритюре.

Миндельхайм остановился и озадаченно посмотрел на Зельтена.

- Что Вы думаете о Второй Мировой войне? – спросил старик.

По лицу Миндельхайма было видно, что он не мог понять, зачем был задан этот вопрос, но потом, по-видимому, догадался, что это важно для Зельтена, и ответил:

- Это, наверное, большая и сложная тема... Я, честно говоря, мало знаю о том времени. Знаю только, что мой прадедущка был нацистским офицером. В конце войны его расстреляли

вместе со всей семьей, остался в живых только мой дедушка, который тогда был совсем маленьким. Я знаю, что нацизм – это плохо, и хорошо, что его сейчас нет. И надеюсь, что никогда не будет больше.

Миндельхайм с некоторой опаской посмотрел на своего собеседника, видимо, пытаюсь понять, удовлетворил ли того его ответ.

- Да, понимаю, спасибо... - ответил Зельтен.

- Да не за что, - ответил Миндельхайм и облегченно улыбнулся.

Сделав небольшую паузу, он снова посмотрел на Зельтена с легкой укоризной, поставил перед ним таблицу, и с улыбкой сказал:

- Мистер Зельтен, слушайте, пожалуйста, внимательно, это Вам же нужно.

Через несколько минут после начала лекции по коридору промчался взволнованный заведующий кардиохирургическим отделением. Пробегая мимо палаты Зельтена, он замедлил движение и негромко крикнул:

- Рэй, ты мне нужен!

Доктор Миндельхайм приподнялся, виновато посмотрел на Зельтена и сказал:

- Простите, мистер Зельтен, я немного позже зайду к Вам.

Затем он вышел из палаты и помчался в том направлении, в котором убежал заведующий отделением.

«Рэй?» - подумал Зельтен. «Его зовут Рэй? У него есть имя?» Зельтен мысленно сделал паузу. «Ну, конечно же, у него есть имя! У всех людей есть имена! Что за глупый вопрос?» Зельтен протянул руку к процедурному столику, и, с трудом дотянувшись до него, взял лист назначения. В нижней части документа было написано: «Доктор Раймонд Миндельхайм».

«Значит Раймонд», - подумал Зельтен, и, как будто пытаясь доказать себе, что нет никаких оснований для удивления, мысленно добавил: «Ну а что тут такого? Имя как имя. У всех есть имена. Он же человек». Мысль о человеческой природе доктора Миндельхайма второй раз за это утро поразила Симона Зельтена.

- Почти ничего не знает о войне! – неожиданно для себя воскликнул он вслух.

Это открытие показалась Зельтену совершенно невероятным. Для него события на площади в Берлине были целой жизнью, а братья Миндельхаймы стали его спутниками на долгие десятилетия. Но правнук Герберта Миндельхайма почти ничего не знал о войне, и, похоже, не хотел знать!

Но, как ни странно, это не показалось Зельтену кощунственным. «Он живет в другом мире, совершенно другом», - подумал старик. В этом мире нет Второй Мировой войны, нет нацистов и евреев. Зато в нем есть холестерин и диеты. Есть миллионы стариков, которые перееданием и малоподвижным образом жизни доводят себя до инфарктов. Есть туфли от

Christian Louboutin, есть панк-рокеры и контактные линзы. А еще есть реактивы для проведения лабораторных исследований и пластические хирурги, которые могут пришить обратно ампутированные пальцы.

Это совсем другой мир. Хуже ли он Того мира?... Симон Зельтен впервые задался таким вопросом. «Нет, не хуже» - резюмировал он: «Проблемы мельче... Люди сами их создают себе от сытости и спокойствия... Но нет войны. Главное – нет войны, и нацизма тоже нет...» От этого водоворота мыслей у Зельтена закружилась голова, он откинулся на подушки и попытался расслабиться, чтобы не спровоцировать приступ тахикардии.

Глава VIII

Зельтен мысленно вернулся в далекий 1945-й год. Когда послевоенная суeta немного стихла, а американские солдаты, с которыми маленький Симон успел подружиться, собрались возвращаться на родину, он начал слезно просить их взять его с собой. Когда-то давно он видел фотографии Нью-Йорка, и этот город казался ему просто фантастическим.

Видя сборы американцев, Зельтен все чаще задумывался о том, что там, в волшебном заморском городе, его может ожидать совсем другая, новая и счастливая жизнь. Там ему ничто не будет напоминать о тех ужасах, в которых прошла большая часть его жизни. Симон настойчиво упрашивал солдат взять его с собой, и они, пожалев маленького сироту, увезли Зельтена в Америку, намереваясь перепоручить его нью-йоркской еврейской общине.

Когда Симон садился вместе с солдатами на поезд до Гамбурга, все происходившее казалось ему похожим на сон. Не прошло это чувство и тогда, когда они сели на огромный корабль, который должен был доставить их в Америку. Зельтен в этом путешествии наслаждался каждым мгновением.

Дни тянулись бесконечно долго, но однообразие корабельной жизни казалось Зельтену настоящей сказкой. Он мог целыми днями сидеть на палубе, сжимая в руках часы и получая удовольствие от каждой минуты без взрывов и обстрелов. Утром, проснувшись, Симон оглядывался по сторонам и несмело выходил из каюты, а потом, как мышь, бежал на палубу. Сначала он осторожно выглядывал из-за двери и только потом, неслышно ступая, выходил на открытое пространство. И только в эти моменты, щурясь от яркого солнца, он вспоминал, что прятаться больше не нужно.

К концу двухнедельного путешествия Симон частично избавился от этой привычки и с удивлением обнаружил, что прошло совсем немного времени, но он уже ощущал войну как что-то очень далекое, существовавшее в каком-то другом мире. «Удивительно, как человек может все забыть...» - шепотом говорил он себе, осознавая это.

Когда солдаты высадились на берег в порту Нью-Йорка и направились к месту дислокации, Симон бежал за ними, таща в руках небольшой чемоданчик с одеждой, семейным фотоальбом и несколькими родительскими вещами. Он старался не отставать, но при этом успевать рассматривать окружающую обстановку. «Это удивительно!...» - повторял он про себя.

На следующий день один из офицеров отвел маленького Зельтена к местному раввину и рассказал ему историю мальчишки. Раввин внимательно выслушал и согласился оставить Симона у себя, пока не пристроит его куда-нибудь.

Жить у раввина Зельтену пришлось всего два дня, так как выяснилось, что владельцу ближайшей булочной, французу мсье Клемену нужен помощник. Жерар Клемен был добродушным грузным смуглым мужчиной с густой, кудрявой шевелюрой. Этим он напоминал маленькому Симону Александра Дюма. Француз приехал в США всего за несколько месяцев до Зельтена, но уже успел основать собственное дело.

Свою семью Клемен потерял еще в 1943-м, когда их деревню в Провансе разбомбили немцы. Клемен в тот момент был в городе, поэтому остался жив. Вернувшись домой, он вместо жены и детей увидел огромное черное пепелище. Желая забыть произошедшее и начать жизнь с чистого листа, он, как и маленький Симон, приехал в Америку, и занялся тем, чем занимался в родной деревне – выпечкой французских булок.

Задача Симона состояла в замесе текста, мытье противней и выполнении прочей подсобной работы. Мсье Клемен, видя в этом ребенке родственную душу и вспоминая собственных погибших детей, относился к нему благожелательно. Однажды Симон, забывшись, обратился к Клемену: «Мсье Дюма», чем очень позабавил француза. Тому это так польстило, что он разрешил Симону пользоваться своей библиотекой. Библиотека состояла всего из двух десятков книг, но для Клемена они были единственным напоминанием о родной Франции. Симон не понимал по-французски, но с удовольствием рассматривал иллюстрации.

Всего за несколько лет булочная увеличилась в размере и расширила ассортимент. Зельтен закончил кондитерский колледж и стал полноправным помощником Клемена. Так продолжалось до тех пор, пока 49-летний Клемен, страдающий гипертонией, не скончался от инсульта. Юный Зельтен оказался его единственным близким человеком, и унаследовал булочную. К этому моменту Симон обучился у Клемена почти всему, что было нужно для самостоятельного ведения дела, поэтому не опустил руки и решил дальше развивать бизнес. В 21 год он женился на Софии, прихожанке местной синагоги, и они совместными усилиями открыли еще пару булочных на их улице.

Война давно осталась в прошлом, и жизнь стала счастливой и безоблачной. Зельтен считал своим днем рождения 18 сентября 1945 года, когда он высадился в порту Нью-Йорка, а

не 3 мая 1935 года, как было указано в свидетельстве о рождении. Ему казалось, что все, что происходило до осени 1945 года – это какой-то фильм, это параллельная реальность, воспоминание из прошлой жизни. В общем, страшные военные годы были чем угодно, но только не нынешней реальностью Зельтена.

Счастливую жизнь супругов омрачало только отсутствие детей. Перепробовав все способы решить эту проблему, они, в конце концов, смирились с тем, что детей у них не будет, и решили просто радоваться тому, что имеют. Но, тем не менее, спустя 15 лет с момента женитьбы у них появилась дочь Роза.

Окрыленные тем, что сбылась их давняя мечта, Симон и София начали работать еще усерднее, задавшись целью дать дочери все то, чего были лишены сами. А главной их мечтой была учеба Розы в престижном ВУЗе. Она росла смелой и умной, и планировала после школы поступать в Гарвард.

Планы омрачила болезнь Софии. У нее в возрасте 51 года обнаружили рак горла, и, несмотря на мучительное лечение и операции, через год она скончалась. Зельтен был угнетен и подавлен, но мысль о том, что он нужен дочери, не давала ему опустить руки. Часть денег, бережно откладываемых Розе на учебу, ушла на лечение Софии, поэтому за тот год, который оставался до поступления дочери в университет, нужно было собрать приличную сумму денег.

Зельтен с Розой работали допоздна, чтобы наполнить семейную казну. Также Зельтену пришлось взять банковский кредит, но в итоге Роза все-таки поступила на юридический факультет Гарварда, что стало для Зельтена настоящим поводом для гордости.

После окончания учебы она устроилась работать корпоративным юристом и вышла замуж за биржевого брокера. Зельтен считал зятя не достойным своей дочери, но не хотел вмешиваться в их жизнь, поэтому принял выбор Розы. Когда дочь переехала на отдельную квартиру с мужем, Зельтену стало одиноко и тоскливо, казалось, что все цели достигнуты, и стремиться больше не к чему.

Свою тоску он обильно заедал французскими булками и стейками, но в какой-то момент снова почувствовал силы и желание жить. Тогда он с удвоенной энергией вернулся к работе и начал обучать ведению бизнеса двух своих внуков. Жизнь снова стала счастливой, если не считать усугубившуюся тягу Зельтена к еде. Даже два инфаркта не помогли ему справиться с этой пагубной зависимостью.

Глава IX

Прокрутив в голове воспоминания, Зельтен глубоко вздохнул и уставился в потолок, пытаясь очистить сознание от всего, что может вызвать переживания, и, как следствие, тахикардию.

Глаза Зельтена смотрели на белую потолочную краску, а сознание на ней рисовало глянцевые страницы журнала. Это был журнал о светской жизни. Старик забыл его название, но хорошо помнил год. Это был четвертый номер издания за 1958 год. Зельтен никогда не интересовался дамскими журналами, но, зайдя в тот злополучный день в лавку со свежей прессой, он увидел на стеллаже этот журнал.

На его обложке были две целующиеся девушки. Хотя в том далеком году это само по себе было дикостью, но поразил Зельтена не открытый гомосексуализм. Его внимание привлекла одна из девушек. На вид ей было лет 16-17, рыжие курчавые волосы были уложены в форме ракушки и заколоты. В памяти Зельтена возникла давно забытая картина: Берхард Миндельхайм в новенькой униформе стоит посреди площади и отдает приказ о расстреле офицеров-союзников, а у него на руках сидит маленькая девочка. Рыжая. Курчавая. С прической в форме ракушки.

Зельтен медленно подошел к стеллажу, чувствуя, как его желудок волнительно сжимается. Остановившись напротив журнала, он начал рассматривать фотографию. Девушка была снята в профиль и ее прямой, со скошенным кончиком, нос не оставлял никаких сомнений. Это была семейная черта... Семейный нос Миндельхаймов.

Зельтен попытался подавить волнение, и влажными, немного дрожащими руками взял журнал. Пролистав его, он узнал, что 17-летняя Кайза Миндельхайм, поселившаяся после войны в Финляндии, унаследовала родительские деньги, заблаговременно переведенные в швейцарский банк, и сейчас просаживает их на яхты, пьянки, дорогую одежду и... бабу. «Твой отец таких как ты в газовые камеры отправлял» - еле слышно процедил сквозь зубы Зельтен.

Он не имел ничего против геев и лесбиянок, ему хорошо запомнились эти люди с розовыми треугольниками на груди. Их, как и евреев, нацисты отправляли на смерть только за то, что они «не такие». Но Кайза Миндельхайм вызвала у Зельтена настоящую злость. Ему казалось какой-то абсурдной и недоброй шуткой то, что она просаживает на развлечения деньги, которые ее родители заработали на крови таких, как он, Зельтен, и... таких, как она! Она на нацистские деньги содержит подружку. Это казалось бредом, каким-то дурным и нелепым сном.

Зельтен посмотрел на фото подружки. Она была приятной на вид круглолицей блондинкой. Эта девушка отличалась стройностью, но на фоне хрупкой, как ребенок, Кайзы казалась достаточно крупной. Пока Зельтен все эти годы тяжким трудом зарабатывал на жизнь, Кайза Миндельхайм жила богато и весело. Думая об этом, Зельтен злобно стискивал зубы. Счастье и беззаботность, которыми буквально светились девушки с фотографий, вызывали у него смесь злости, зависти, обиды и чувства глубокой несправедливости.

Зельтен купил этот журнал и принес домой. Тайком от жены он его иногда пересматривал с каким-то мазохистским удовольствием. А после этого с остервенением брался за работу, как будто желая заработать все деньги мира. Лет через пять Зельтен узнал, что Кайза Миндельхайм вышла замуж за молодого финского бизнесмена и львиную долю своих сбережений вложила в его бизнес. Эта новость немного снизила градус злости Зельтена. «Пусть хоть этот финн получит что-то хорошее от этих кровавых денег» - подумал он, и засунул журнал в старый сундук.

Несколько лет назад, желая помочь больному старику, Роза решила убрать на чердаке и выбросить старый хлам. Среди заваливавшихся вещей она нашла этот журнал, просмотрела его, иронично хмыкнула и сказала: «Перис Хилтон пятидесятих годов. Надо же, и тогда такие были». Затем она выгребла журнал вместе с другим мусором и выбросила.

Глава X

Зельтену становилось все лучше. Иногда он пытался заговорить с Миндельхаймом о послаблении диеты, но тот, мило улыбаясь, мягко уходил от темы, так ни разу и не уступив старику. «И кто из нас еврей?» - думал Зельтен и невольно начинал улыбаться. Он периодически ловил себя на мысли о том, что Миндельхайм кажется ему очень милым, но тут же запрещал себе так думать, воскрешая в памяти образ его прадеда.

Настал понедельник, на улице было солнечно, и в коридоре все носились с приподнятым настроением. В начале недели всегда было много суеты, но этот день был каким-то особо приятным. Зельтена грела мысль о том, что скоро ему разрешат вставать. Об этом утром своим тихим и мягким голосом сказал Миндельхайм, а потом хитро улыбнулся, и почти испортил старику радость фразой: «Но только, мистер Зельтен, Вы должны понимать, что Вам полезны прогулки по коридорам и парку, но не по буфетам и киоскам с фаст-фудом».

Зельтену захотелось что-нибудь буркнуть в ответ, но он не смог подобрать ни одной остроумной фразы, поэтому промолчал, по-детски надувшись. При этом он, конечно же, был очень рад, и теперь лежал в приподнятом настроении. Дверь в коридор была открыта, поэтому он слышал все звуки, доносившиеся оттуда, но постепенно суета стихла и Зельтен начал погружаться в дремоту. Разбудил его стук каблучков-шпилек и приглушенный смех.

Зельтен открыл глаза и его сердце учащенно забилося. Он совсем забыл о том, как в ночь своего поступления в больницу увидел в коридоре девушку, как две капли воды похожую на Берхарда Миндельхайма. А, по правде сказать, он решил, что она ему пригрезилась. Но теперь он снова увидел ее. На ней вместо серой униформы и ботинок были нарядное платье-карандаш и туфли на каблучках. Манеры ее тоже как будто изменились, и стали какими-то изысканно-грациозными.

Она прошла по коридору с другой нарядно одетой девушкой. И вот эту девушку Зельтен помнил хорошо! «Серая униформа – это форма пилота больничного вертолета!» - осенило его. И он удивился, почему в тот вечер, когда увидел копию фрица-альбиноса, он не узнал эту форму, ведь видел ее всего лишь несколькими часами ранее.

Зельтен мысленно вернулся в тот день, когда у него случился инфаркт. Около полудня он приехал к Розе в офис на Манхеттен по делам. На улице стояла солнечная погода, но по радио обещали сильный туман и грозу во второй половине дня. Погода постепенно ухудшалась, но старик не закончил те дела, по которым приехал, поэтому не спешил домой. Он знал, что, в крайнем случае сможет переночевать у дочери, которая живет неподалеку.

Все именно так и произошло бы, если бы не этот злополучный инфаркт. Роза вызвала скорую, врачи приехали и сделали Зельтену укол. Затем они погрузили его в карету скорой помощи и повезли в больницу, но смогли проехать всего два квартала, застряв в глухой пробке. Поскольку состояние старика было крайне тяжелым, им пришлось запросить помощь, и через несколько минут к ним подлетел госпитальный вертолет.

Зельтена переместили в кабину, и вертолет мягко взлетел. Хотя сознание старика было несколько затуманено, но он услышал, как через громкоговоритель из штаба пилотам сообщают о воздушных потоках и тумане. Диспетчер обращался к первому пилоту, произнося какую-то неудобоваримую финскую фамилию.

- Не страшно, прорвемся, - услышал Зельтен в ответ. Это было сказано звучным и твердым женским голосом с едва ощутимым акцентом. Он слегка приподнял голову и посмотрел на пилота, который оказался молодой и очень эффектной женщиной.

- Кармен, только не геройствуй, - негромко сказал фельдшер, стараясь покрепче пристегнуть Зельтена.

- Какой же ты паникер, - ответила она, на несколько секунд повернув голову к пассажирам и расплывшись в самодовольной улыбке.

Девушка оказалась красивой и яркой блондинкой с белоснежными зубами и глазами насыщенно-изумрудного цвета. «Ей бы в фильмах сниматься, а не вертолеты водить» - подумал тогда Зельтен.

Хотя полет должен был занять не более 10 минут, но из-за погоды им пришлось петлять. Голос в громкоговорителе вопил, чтобы они садились и ждали, пока пройдет вихревой поток, на что Кармен («Имя такое же яркое, как и сама девушка» - подумал Зельтен) спокойным и уверенным голосом отвечала: «Эх... трусы и слабаки», и продолжала вести вертолет в заданном направлении, заставляя фельдшеров и второго пилота зеленеть от страха.

Когда на взлетной площадке Зельтена укладывали на носилки и везли к входу в отделение, Кармен стояла возле кабины пилота, скрестив ноги, засунув руки в карманы и

самоуверенно зажав в зубах сигарету. Она взирала на все происходящее с непоколебимым чувством уверенности в благоприятном исходе происходящего.

Вернувшись мысленно из событий недавнего прошлого в сегодняшний день, Зельтен понял, что пять минут назад видел, как Кармен в нарядном платье и с макияжем прошла по коридору, о чем-то весело разговаривая с копией Берхарда Миндельхайма.

«Финская фамилия!» - эта мысль как яркая молния пронеслась в голове Зельтена, - «Акцент!»

- Она тоже из... - мысленно произнес старик, но тут же попытался себя прервать: Нет, нет, - но мысль не отступала. Всё говорило о том, что эта самоуверенная девушка с пафосным именем, которая привезла его в больницу несмотря на все риски, тоже из Этой семьи. Это казалось абсурдом. Врач, а теперь еще и пилот вертолета.

- Они что, всей семьей сюда перебрались?... – подумал он.

Глава XI

Прошло несколько дней. Зельтен начал потихоньку вставать и прогуливаться по этажу. Пару раз во время прогулки он пытался свернуть в небольшой коридор, ведущий к буфету, но, казалось, что у этого дьявола где-то есть третий глаз, который неустанно следит за перемещениями Зельтена. Поэтому оба раза старик сталкивался лбом ко лбу с Миндельхаймом, который при этом тепло, но с хитрецей улыбался и сверкал своими выразительными темно-карими глазами.

Зельтен вернулся в палату после очередной прогулки, и устало лег на кровать. Хождение давалось ему еще тяжело, хотя прогресс был налицо. Полностью расслабившись, чтобы восстановить силы, старик устался в потолок, периодически переводя взгляд на проходящих по коридору людей.

Через некоторое время он услышал, как открывается дверь, и посмотрел на нее. В палату вошла высокая и стройная черноволосая девушка лет 25-30 в медицинском халате, маске и перчатках. Она была на высоких каблуках, но это совершенно не сковывало ее движений и она уверенным, но мягким шагом направилась к Зельтену.

- Здравствуйте, мистер Зельтен, - сказала она приятным спокойным голосом, - Я – доктор Визенталь, заведующая лабораторией. Доктор Миндельхайм попросил принести Ваши анализы в палату, чтобы Вы могли ознакомиться с результатами. У доктора Миндельхайма сегодня длительная операция, поэтому он сможет подойти к Вам только во второй половине дня.

Зельтен вспомнил рассказ дочери о докторе Визенталь, пострадавшей от взрыва в лаборатории. «Так вот какая она...» - подумал старик. По правильному овалу лица,

выразительным черным глазам и густым черным волосам он понял, что девушка до несчастного случая была красивой. Ему стало жаль ее.

- Спасибо, доктор Визенталь, - сказал Зельтен и располагаясь улыбнулся, - Моя дочь, Роза, рассказывала о Вас, она с Вами общалась в лаборатории.

- Да, - ответила доктор Визенталь, улыбнулась, погладила Зельтена по плечу, и добавила: Выздоровливайте.

- Спасибо, - ответил Зельтен, и она вышла из палаты своим мягким, неслышным шагом. «Бедная девушка, - подумал старик, - Такие глаза грустные...»

Затем он снова уставился в потолок, но через какое-то время заметил силуэт, застывший напротив его палаты. Зельтен опустил глаза и увидел за дверью юношу лет 17-18, похожего на художника. Он растерянно озирался по сторонам, как будто пытаясь кого-то найти взглядом. Парень был высоким и худощавым, поэтому водолазка светло-болотного цвета и серые джинсы сидели на нем немного мешковато. При этом мешковатость органично сочеталась с общей небрежностью образа.

Через плечо у него была перекинута небольшая брезентовая сумка, которая заставляла водолазку немного морщиться. Эффект творческого беспорядка усиливала шапка темно-каштановых, вьющихся непослушных волос. Верхние пряди торчали в разные стороны, а нижние спускались до плеч. Зельтен посмотрел в лицо парня. У него были тонкие черты лица и достаточно крупные, зелено-карие глаза. Старик сразу угадал по этим чертам еврейские корни.

Пока Зельтен рассматривал парня, тот продолжал озираться. Мимо прошла медсестра, он о чем-то спросил ее, она покачала головой и пошла дальше. Желая как-то помочь парню, который, видимо, заблудился, Зельтен окликнул его:

- Молодой человек, Вам помочь?

Парень перевел на него взгляд, слегка улыбнулся и подошел к стеклу.

- Навряд ли, но спасибо, - ответил он приятным высоким голосом и улыбнулся, - Я ищу маму, она здесь работает. Ее нет в своем кабинете, вот я пытаюсь разобраться, куда она пошла.

После небольшой паузы добавил, добродушно улыбаясь:

- Папа на операции вместе со всеми врачами кардиологии, мама где-то ходит – безобразие!

- Ребенок медиков, - сказал Зельтен и улыбнулся, парень показался ему очень милым и старик решил немного поговорить с ним, - нелегко, наверное, расти в больнице.

- Да, это точно! – сказал парень, и рассмеялся, обнажив мелкие белые зубы, - пол жизни провел здесь.

- Сам, небось, тоже врачом будешь? – поинтересовался Зельтен, и, заметив, что парень прижимается к стеклу, чтобы лучше его слышать, добродушно добавил: Заходи, поговори со стариком, а то тут от тоски помереть можно.

Парень немного приоткрыл дверь, протиснулся в нее, и сел в ближайшее кресло.

- Нееет! – ответил он, - Хватит нам в семье медиков! Я учусь на журналиста, хотя почти все коллеги родителей уговаривали меня поступать на медицинский факультет, идти по стопам родителей.

- Ну, у каждого должен быть свой путь, - немного философским тоном ответил Зельтен.

- Я тоже так считаю, и свой путь я выбрал. Моя младшая сестра тоже не собирается быть медиком, это просто не наше призвание.

Сделав небольшую паузу, парень снова улыбнулся и сказал:

- Да, я же не представился, - Марк, - и молодой человек встал, подошел к Зельтену и протянул ему руку.

- Симон Зельтен, - ответил старик и пожал протянутую руку.

- Приятно познакомиться! – сказал парень, и его взгляд невольно упал на процедурный стол, на котором лежали анализы, принесенные доктором Визенталь.

- Узнаю мамин почерк, - сказал Марк и снова улыбнулся, а потом как будто испугался своих слов и добавил: Ой, простите, я не должен был заглядывать в ваши анализы.

- Почерк твоей мамы? – удивленно спросил Зельтен.

- Да, ответил Марк, - она заведует лабораторией здесь, ее зовут доктор Клер Визенталь.

- Это твоя мама?... – удивленно спросил старик, пытаясь понять, как 25-30-летняя девушка может быть мамой взрослого парня.

- Да! – весело, своим звонким голосом ответил Марк и опустился в кресло, - Обычно все удивляются, как такое возможно. Но такое бывает! Наши родственники называют «детской любовью».

- Детской любовью? – удивленно спросил Зельтен.

- Да, - ответил Марк, родителям было по 12 лет, когда я родился, - и, как будто стыдясь этого, добавил: Ну... Так получилось.

- Ага, теперь все становится на свои места, - сказал Зельтен, - я видел ее, она приносила мне анализы. Приятная у тебя мама, видно, что хороший человек.

- Да, - ответил Марк и в его глазах появилась легкая грусть, - только переживает очень... Вы, наверное, знаете, почему...

- Да, - ответил Зельтен, - Жаль ее, такая девушка красивая.

- Но врачи говорят, что смогут практически полностью восстановить лицо, шрамов будет почти не видно, даже сейчас она уже выглядит красиво, - сказал Марк, и добавил: Маму

эти события очень сильно выбили из колеи, и хотя прогнозы самые хорошие, она все равно грустит. Если бы не папина поддержка, не знаю, что вообще с ней было бы.

- А папа очень поддерживает ее? – спросил Зельтен с надеждой на то, что этой девушке повезло с семьей.

- Да, - ответил Марк и снова тепло улыбнулся, - папа ее очень любит и всегда поддерживает.

- Замечательно... - ответил старик.

- Если Вам интересно, я могу завтра принести фотографии родителей, - неожиданно для Зельтена сказал Марк, - я все равно собираюсь завтра прийти сюда после учебы.

- Да, принеси, - ответил Зельтен, которого начало разбирать любопытство: как же выглядела Клер Визенталь до трагедии и что собой представляет ее муж?

- Хорошо, - с улыбкой сказал Марк и встал с кресла, - А сейчас я пойду уже, попытаюсь все-таки найти маму.

- Давай, до завтра, - ответил Зельтен.

- До завтра, отдыхайте, - сказал Марк и вышел в коридор.

Глава XII

Утром следующего дня Зельтен прошел все процедуры и впервые прогулялся по больничному двору. Миндельхайм дал ему на эту прогулку 20 минут, но старик планировал погулять подольше. Однако, как это и всегда бывало, в положенное время на горизонте появился Миндельхайм и посмотрел на Зельтена как на провинившегося школьника. Тот, виновато опустив голову, поплелся в палату.

«Этот мальчишка ведет себя со мной как с ребенком!» - в который раз возмущался про себя Зельтен. Он уже много раз давал себе установку не слушать Миндельхайма и поступать по-своему, но доктор оказывал на него какое-то необъяснимое воздействие, заставлявшее старика забывать о своих планах, как только Миндельхайм оказывался в поле его зрения.

Зельтен устало добрал до палаты, и, проходя последние шаги, почувствовал сильную усталость. «Да, Миндельхайм прав, 20 минут – это пока мой потолок» - заключил он про себя. Зайдя в палату, старик увидел сидящего в кресле Марка. Зельтен совсем забыл о нем, и удивился, увидев гостя. Марк улыбнулся ему, поздоровался и помог лечь.

- Я, как и обещал, принес Вам фотографии, - весело сказал он своим звонким голосом, и начал рыться в сумке, - О, вот! – Марк достал три больших фотографии, - Это мама! – он протянул Зельтену фото формата А4.

На фотографии тот увидел красивую улыбающуюся девушку. У нее были густые, черные вьющиеся волосы, собранные в хвост, выразительные черные глаза и достаточно тонкие черты лица. При этом от нее веяло какой-то спокойной силой.

- Красивая девочка... - сказал Зельтен, - Дай бог ей поправиться.

- Это мама с моей сестрой Габриэлкой, - сказал Марк и дал старику следующее фото. На нем Клер Визенталь обнимала очень похожую на себя девушку-подростка.

- Сестра вся в маму, - ответил Зельтен.

- Да, они очень похожи, - сказал Марк и улыбнулся, - я тоже похож на маму, хотя и меньше. Когда незнакомые люди видят нас с папой, то не могут поверить, что мы – родственники. Вот, посмотрите!

Сказав это, Марк засмеялся и протянул Зельтену третье фото. Когда старик взглянул на карточку, аппарат для прослушивания сердечного ритма предательски запищал, а сам Зельтен почувствовал, как по его телу пробежал холодок. На фотографии счастливая и улыбающаяся Клер Визенталь обнималась с таким же счастливым и улыбающимся... Раймондом Миндельхаймом.

- Это же... - начал старик.

- Да! – перебил его Марк, - мой папа – это Ваш лечащий врач, доктор Миндельхайм, - и Марк снова засмеялся, обнажая ряд мелких белых зубов.

- Вот чудеса... - сказал Зельтен, пытаясь скрыть волнение, - никогда бы не подумал, что они – пара...

- Почему? – спросил Марк, удивленно пожав плечами.

- Ну... немец и еврейка, - ответил Зельтен и краем глаза посмотрел на Марка.

Тот удивленно посмотрел на Зельтена, как будто пытаясь понять, что же такое сказал ему старик.

- А что тут такого? – наконец непонимающе спросил Марк, - сейчас же не 1939 год. Мама с папой любят друг друга.

- Да нет, ничего, я начинаю чудить, как и все старики, - ответил Зельтен и вымученно улыбнулся, желая замять тему.

Потом они еще говорили о всяких пустяках. Марк все время веселил Зельтена и постоянно заливался звонким, заразительным смехом. Старик ловил себя на мысли, что так легко и интересно ему не бывает даже с собственными внуками.

Затем Зельтен, мучимый любопытством, вывел Марка на разговор о родителях и тот рассказал, что они познакомились в летнем лагере, когда им было по 11 лет, у них начались отношения, которые достаточно быстро закончились беременностью. Что, впрочем, молодую парочку только обрадовало. Они стали жить в доме у деда Раймонда Миндельхайма, того

самого, который, будучи трехлетним ребенком, по счастливой случайности не погиб от рук союзников.

Престарелый Миндельхайм, мучимый мыслью о том, что у него есть всего один наследник – Раймонд, начал буквально душить заботой молодую пару, и те, закончив школу, приняли решение уехать и начать самостоятельную жизнь. Дед сначала противился, а потом понял серьезность их намерений, но не отступил от привычной модели поведения и начал заботиться о них на расстоянии, засыпая различными подарками.

Зельтен слушал и ловил себя на странном ощущении нереальности. Он слышал историю совершенно обычной и при этом достаточно счастливой семьи. Зельтен не мог поверить, что Миндельхаймы – это чудовища во плоти, могут жить обычной жизнью, делать ошибки, и, главное, любить. Происходящее продолжало разрушать ту картину мира, которая когда-то давно сложилась в голове у старика.

Он расспрашивал Марка об отношениях его родителей, втайне надеясь узнать что-то такое, что могло бы негативно охарактеризовать Раймонда Миндельхайма, но казалось, что Марк намеренно делал ему назло, рассказывая, как отец заботился о маме все эти годы, и, в особенности, после несчастного случая.

После ухода Марка Зельтен какое-то время был в странном состоянии, напоминающем прострацию. Он смог принять то, что Миндельхайм вытащил его с того света, выполняя свой профессиональный долг. Он смирился с тем, что красотка Кармен по долгу службы довезла его до больницы в непогоду, но то, что он узнал сегодня, рушило все незыблемые представления.

Зельтен был уверен, что немцы научились не проявлять открыто ненависть к евреям, и что такие, как Миндельхаймы, могут изображать добрячков, чтобы соответствовать обстановке. Но ненависть и обида глубоко засели в сознании старика и он даже не допускал мысли о том, что потомок СС-цев может жениться на еврейке, из сострадания спасать безнадежных больных, отказываться от богатого наследства ради того, чтобы работать в муниципальной больнице и вылавливать в коридорах нерадивых пациентов.

Зельтену это казалось невозможным, и теперь он, лежа в постели, пытался это все осознать. «Ну, признайся себе, что он – славный малый, который тебе симпатичен не только за то, что он спас тебе жизнь, но и просто по-человечески» - в какой-то момент сказал Зельтену внутренний голос, но Зельтен попытался его заглушить. «Они это переросли и пошли дальше, а ты застрял в сороковых» - снова предательски заговорил внутренний голос через какое-то время.

После обеда Зельтен пытался поспать, но внутренний голос не оставлял его: «Твоя обида – твой враг». Зельтен крутился в постели. «Раймонд и Герберт Миндельхаймы – разные люди, не нужно всех под одну гребенку» - не сдавался внутренний голос.

После нескольких часов безуспешной борьбы с собой Зельтен откинулся на подушках и уставился в потолок. Он пытался сложить рассыпавшиеся элементы некогда стройной системы в какую-то новую конструкцию, но пока не получалось. Миндельхаймы кардинально изменили его жизнь более семидесяти лет назад, и теперь снова сделали это. Он как будто был связан с этой семьей какой-то невидимой нитью.

Заснув с множеством противоречивых мыслей в голове, Зельтен проснулся посреди ночи с каким-то странным, совершенно не привычным чувством легкости, как будто с его души свалился камень. Нечто похожее он испытывал, когда в 1945 году высадился в порту Нью-Йорка, а потом в тот день, когда родилась Роза. Теперь это чувство ему подарили молодые Миндельхаймы, освободившие его от тех оков обиды и злости, которые, как оказалось, до сих пор сковывали его. Зельтену казалось, что за эти несколько недель он узнал о мире намного больше, чем за всю свою предыдущую жизнь. И это было прекрасно.